

Ровно полвека трудился старый шахтёр в своей шахте. В шахту спускался, когда ещё темно было, из шахты поднимался, когда уже темно становилось. Так день за днём, год за годом... Вот и смерть за ним пришла.

— Идём, — говорит, — пора!

«Хорошо! — думает шахтёр. — Наконец-то отдохну!»

И не стал со смертью спорить. Быстренько собрался, взял свою трубочку, кисет с табаком и пустился в последнюю дальнюю дорогу.

Шагает по Млечному Пути. Кругом звёзды сверкают. Да не только над головой — и с боков, и снизу светят. А Млечный Путь всё в гору и в гору ведёт. Иному, непривычному, может, тяжело бы показалось. Но шахтёру — что? Он каждый день по ходкам с самого дна шахты на-гора выбирался. Если все разы сложить, куда выше неба получится.

Шагал, шагал шахтёр, трубочку на ходу покуривал... Так и добрался до райских ворот.

Ворота в рай крепко заперты. Но наш шахтёр не заробел, постучал в них трубочкой раз, другой. Залязгали ключи, заскрипели засовы, растворились ворота.

Встретил шахтёра седобородый старик — святой Пётр, райский ключник. Шахтёр его сразу признал.

— Пришёл, значит? — спросил Пётр.

— Выходит, пришёл, — отвечает шахтёр. — Пора и мне отоспаться под райскими яблонями. Вот и ксёндз на моей панихиде говорил, что за столько лет труда заслужил я вечный покой.

Сказал так, переступил порог и очутился в райских сенях. Хотел было дальше идти, да Пётр ему дорогу заступил.

— Постой, куда лезешь с трубкой? В раю курить нельзя.

— Это что ж такое делается?! — возмутился шахтёр.— В шахте, всякому понятно, курить нельзя — как бы газ не взорвался. А тут с чего запрещают?

— Сам не знаю,— говорит Пётр,— а только не положено.

Поворчал шахтёр ещё для порядку малость, потом положил трубку у дверного косяка, кисетом прикрыл и отправился в рай.

Первым делом осмотрел всё кругом. Место хорошее. Всё тут какое-то голубое, ровно небо в ясный день, да розовое, будто ранняя зорька. Всюду цветы цветут, груши и яблони под тяжестью плодов так и гнутся — ешь не хочу! Ну, шахтёр с каждого дерева попробовал — вкусно! Потом улёгся на мягком облачке, поспал как следует.

Встал, погулял. Снова яблоко съел, грушей закусил. И опять спать улёгся — делать-то нечего, от безделья почему бы не поспать!

Сколько так времени прошло, не знает наш шахтёр. В вечности-то дни не считаны, часы не меряны.

И вот заскучал он. И голубое ему не в радость, и розовое опротивело. На груши да яблоки и смотреть не хочет.

А больше всего стосковались его руки по обушку, глаза — по тёмному штреку да блестящему угольку. И трубку отобрали, будь они все неладны!

Поскучал он ещё какое-то время и отправился к Петру-ключнику.

— Эй, Пётр, отвори-ка ворота! Домой, на землю хочу.

— Совсем ты спятил! — Пётр ему отвечает.— Слыханное ли это дело — из рая на землю проситься? И не выдумывай!

Что ты со святым упрямым сделаешь?.. Не пускает, да и всё! Плюнул шахтёр с досады, отошёл в сторонку.

Только не таков он был, чтобы так просто от своего отступить. Открывает же когда-нибудь Пётр ворота! Сторожил, сторожил и дождался.

Решил святой Пётр петли на райских воротах смазать, а то что-то слишком громко скрипеть стали, райскую тишину нарушают. Распахнул он ворота, тут наш шахтёр и выскочил из рая.

Пётр ему кричит:

— Вернись, пока не поздно! Потом не пущу.

— Мне и не надо! — шахтёр отвечает. — Мне в шахту охота.

— Ну, если так, будешь сидеть в своей шахте до скончания веков! Ни тебе на землю, ни тебе на небеса!

— Да уж лучше, чем в вашем раю. В шахте штреки да забои, в один сходишь, в другой... Крепёж проверишь, угольный пласт разведает. Всё при деле...

Повернулся и пошёл. Тут что-то шмякнуло его по затылку, а потом по уху стукнуло. Это святой Пётр-ключник ему вслед с досады запустил кисет и трубочку.

— Смотри-ка, — обрадовался шахтёр, — ведь чуть не забыл. Правда, в шахте курить не придётся, так хоть пустую пососёшь.

С тех пор живёт старый шахтёр в шахте. Бродит по заброшенным штрекам, смотрит — не просочился ли где газ, а перед обвалом сыплет мелкую породу, чтобы шахтёры услышали и вовремя ушли из забоя. Если разыщет новый богатый пласт, старается навести на него горняков.

А вот увидеть его редко кому удаётся. Не любит он
людям показываться.